

УДК: 165.0

DOI: 10.15372/PS20220106

И.Е. Прись**ПРОБЛЕМА ГЕТЬЕ И КОНТЕКСТУАЛИЗМ ЛЬЮИСА¹**

Контекстуальное определение знания, предложенное Д. Льюисом, не решает проблему Гетье. Проблемы, с которыми сталкивается подход Льюиса, скорее свидетельствуют в пользу того, что удовлетворительная эпистемологическая теория должна принять первичность знания и эквивалентность знания и очевидности, что приводит к эпистемологии сначала-знания Т. Уильямсона. Правила, которые вводит Льюис для определения релевантных возможных сценариев и которые должны быть приняты во внимание в рамках его подхода к знанию, являются правилами *ad hoc*. В частности, Льюис признается, что он не знает, каким образом переформулировать правило подобия, чтобы исключить сценарий радикального скептицизма не способом *ad hoc*. В качестве общего принципа для правил Льюиса мы предлагаем принцип семейного сходства, понятый как наличие общего витгенштейновского правила, и в частности общих петлевых предложений. Скорректированное соответствующим образом льюисовское определение знания совместимо как с витгенштейновской петлевой эпистемологией, так и с подходом сначала-знания Уильямсона.

Ключевые слова: проблема Гетье; эпистемический контекстуализм; Льюис; Витгенштейн; петлевые предложения; Уильямсон; очевидность; эпистемология сначала-знания; контекст

I.E. Pris**THE GETTIER PROBLEM AND LEWIS'S
CONTEXTUALISM**

The contextual definition of knowledge proposed by D. Lewis does not solve the Gettier problem. Rather, the problems which Lewis's approach faces indicate that a satisfactory epistemological theory must accept the primacy of knowledge and the equivalence of knowledge and evidence, which leads to T. Williamson's knowledge first epistemology. The rules which Lewis introduces for determining the relevant possible scenarios and which should be taken into account in his approach to knowledge are *ad hoc*. In particular, Lewis admits that he does not know how to reformulate the resemblance rule, so as to exclude the scenario of radical skepticism in a way that is not *ad hoc*. As a general principle for Lewis's rules, we propose the principle of family resemblance, understood as

¹ Статья подготовлена при частичной поддержке гранта БРФФИ № Г 20–026.
© Прись И.Е., 2022

the existence of a common Wittgensteinian rule and, in particular, the existence of common hinge propositions. Adjusted accordingly, Lewis's definition of knowledge is compatible with both Wittgenstein's hinge epistemology and Williamson's knowledge first approach.

Keywords: Gettier problem; epistemic contextualism; Lewis; Wittgenstein hinge propositions; Williamson; evidence; knowledge first epistemology; context

Введение

Согласно Т. Уильямсону, проблема Гетье, возникающая в рамках стандартной эпистемологии, плохо поставлена и поэтому нерешаема. Соглашаясь с такой оценкой, мы тем не менее считаем, что предлагаемые решения проблемы, даже если они в итоге оказываются неуспешными, позволяют лучше понять ее ложные предпосылки и предпосылки стандартной эпистемологии в целом. Эти решения связаны с поиском успешного определения знания. Ниже мы рассмотрим определение знания и, соответственно, решение проблемы Гетье, представленные Д. Льюисом [7]. Мы предложим интерпретацию этого определения (с необходимой коррекцией) в терминах витгенштейновской эпистемологии и эпистемологии сначала-знания (далее – ЭСЗ) Уильямсона [11].

В качестве первого примера (мысленного эксперимента) рассмотрим версию одного из оригинальных примеров Гетье [5] (о проблеме Гетье см. [10]). Предположим, что Сю верит, что Ногот или Хэвит владеет «фордом». Она верит, что Ногот владеет «фордом» на том основании, что она часто видит, как он управляет «фордом». В то же время она никогда не видела, чтобы Хэвит управлял автомобилем, и часто видит, как он пользуется общественным транспортом. Предположим, однако, что Ногот просто арендовал «форд», а Хэвит владеет «фордом», но никогда им не пользуется. Тогда с точки зрения стандартной эпистемологии убеждение Сю, что либо Ногот, либо Хэвит владеет «фордом» истинно и обоснованно. И все-таки это не знание.

Дело в том, что истинность убеждения Сю не имеет отношения к той очевидности, которой она располагает. Более того, эта очевидность вводит ее в заблуждение. Она ложно верит, что Ногот владеет «фордом». Исходя из этой ложной посылки, она и приходит к убеждению, что либо Ногот, либо Хэвит владеет «фордом». Это убеждение истинно лишь случайно – благодаря тому, что у Хэвита есть «форд». При этом предполагается, что супервентное

на имеющейся очевидности (Сью часто видит, что Ногот управляет «фордом») обоснование убеждения Сью, что Ногот владеет «фордом», передается от посылки к заключению в результате логического вывода следующего вида: если A , то A или B (для любых A и B). Эпистемический принцип замкнутости обоснования гласит, что если посылка логического вывода обоснована, то обосновано и следствие при условии, что субъект корректно выводит следствие из посылки, удерживая в процессе этого логического вывода обоснование своей посылки. (Аналогичный принцип замкнутости справедлив для знания².)

Таким образом, традиционное определение знания как обоснованного истинного убеждения (belief) опровергается контрпримерами³. Причина, как известно, в фаллибилизме традиционного подхода, в котором обоснование (обоснованность) не гарантирует истинность убеждения. То есть сколь угодно хорошо обоснованное убеждение может оказаться ложным. Отсюда следует, что сколь угодно хорошо обоснованное убеждение может также оказаться истинным лишь случайно, благодаря, как говорят, эпистемической удаче. Истинность такого убеждения не обусловлена его обоснованием. Скажем, что между тем и другим имеется эпистемический и онтологический (между ними нет подходящей причинной связи, контакта) «провал».

Напротив, в рамках ЭСЗ Уильямсона обоснование фактивно, т.е. с необходимостью влечет наличие соответствующего факта: обоснованное убеждение с необходимостью истинно. Провал закрыт как на эпистемическом, так и на онтологическом уровне (для Уильямсона знание – наиболее общее фактивное ментальное состояние). В этом смысле подход Уильямсона является инфаллибилистским [11]. Знание, таким образом, есть обоснованное истинное убеждение. Но эта формулировка лишь внешне совпадает со стандартным определением знания. В рамках ЭСЗ первичным эпистемическим концептом, в терминах которого объясняются все другие эпистемические понятия, является знание, а не убеждение.

² Это одна из версий принципа замкнутости. Отметим, что мы здесь не делаем различия между принципом замкнутости обоснования (знания) и принципом передачи обоснования (знания), которые очень близки.

³ Термины «убеждение» и «мнение» мы употребляем как синонимы.

Контекстуализм Льюиса

Еще до создания Т. Уильямсоном альтернативной радикально экстерналистской ЭСЗ Д. Льюис отказался от традиционного фаллибилистского определения знания как истинного убеждения с обоснованием. Для него наличие обоснования в традиционном смысле не является ни достаточным, ни необходимым условием для того, чтобы истинное убеждение было знанием. Например, в случае лотереи сколь угодно хорошо обоснованное истинное убеждение в том, что билет (будет) невыигрышный, не является знанием, а в случае знания, приобретаемого в результате непосредственного перцептивного восприятия, воспоминания или от свидетеля, истинное убеждение не имеет обоснования⁴. Вместо стандартного фаллибилистского определения знания Льюис предлагает экстерналистское инфаллибилистское определение знания в рамках своей версии атрибуторного эпистемического контекстуализма. Но это ограниченный (контекстуальный) инфаллибилизм, не ведущий к скептицизму.

Согласно определению Льюиса, знание приписывается субъекту атрибутором (таковым может быть сам рассматриваемый субъект) в контексте. То есть в зависимости от контекста атрибутора высказывание «*S* знает, что *p*» может быть истинным или ложным, несмотря на то что с чисто эпистемической точки зрения ситуация одна и та же. Контекст определяется практическими потребностями и целями атрибутора. Например, с точки зрения Льюиса, в зависимости от практического контекста субъект может не знать или знать (если стандарты для знания невысоки), что он вытянет невыигрышный лотерейный билет.

Точное определение знания в рамках контекстуального подхода Льюиса таково: высказывание «*S* знает, что *p*» истинно в контексте атрибутора, если и только если имеющаяся у *S* очевидность в пользу истинности *p* позволяет исключить, что *p* ложно, т.е. исключить, что *p* ложно во всех возможных относительно имеющейся очевидности релевантных сценариях (далее мы будем также говорить о «возможных мирах», или возможностях). Нерелевантные возможности просто игнорируются. Он пишет: «*S* знает, что *P*, если

⁴ Также для Льюиса возможно знание в отсутствие соответствующего убеждения. С точки зрения ЭСЗ всякое знание есть с необходимостью обоснованное убеждение.

и только если очевидность S исключает всякую возможность, в которой не- P (тсс!), за исключением тех возможностей, которые мы должным образом игнорируем» [7, р. 553–554]. Релевантные возможности (сценарии) – это возможности, которые не игнорируются. Множество релевантных возможностей, т.е. смысл и область действия квантификатора «всякая» (релевантная возможность), зависит от контекста атрибутора. Таким образом, от контекста атрибутора зависят и смысл слова «знает», и, соответственно, пропозициональное содержание и истинностные условия « S знает, что p ». Это семантический контекстуализм⁵.

Льюис предлагает набор из семи правил, позволяющих определить релевантные возможности (сценарии, миры). Как представляется, основным правилом релевантности является правило подобия. К релевантным возможностям Льюис относит актуальность (актуальный мир) и все подобные ей в данном контексте возможности, совместимые с очевидностью.

К очевидности Льюис относит перцептивный опыт и память, а также все то, что действительно могло бы быть очевидностью. То есть никаких ограничений на то, что принимать за очевидность, не делается. В то же время понятие очевидности, на наш взгляд, остается достаточно расплывчатым (см. также раздел «Концептуальное определение знания» ниже). Это контрастирует с подходом Уильямсона, в рамках которого имеет место эквивалентность между очевидностью и полным знанием (в контексте). Далее мы посмотрим на подход Льюиса именно с этой точки зрения.

Итак, у Льюиса подобные возможности (возможные сценарии, или миры) – это контекстуально релевантные возможности относительно той же самой очевидности и, соответственно, обоснования. Концепты очевидности и обоснования при таком порядке рассмотрения предшествуют концепту знания, если только не приравнивать очевидность к знанию, как это делает Уильямсон. С одной стороны, подход Льюиса инфаллибилистский, так как в случае знания, что p , имеющаяся очевидность исключает ложность p . С другой стороны, это ограниченный инфаллибилизм, так как игнорируются нерелевантные возможные миры. Нерелевантные возможные миры, как

⁵ Поскольку у Льюиса обоснование не играет существенной роли для знания, его контекстуализм апеллирует непосредственно к контекстуальным стандартам для знания, а не обоснования.

уже было сказано, – это возможные миры, у которых в данном контексте атрибутора нет сходства с актуальным миром и, соответственно, с релевантными возможными мирами.

Правило подобия неприменимо к сценарию радикального скептицизма. Льюис пишет: «Похоже, что у нас есть *ad hoc* исключение из Правила, хотя оно разумно в связи с функцией атрибуции знания. Однако лучше было бы найти способ переформулировать Правило таким образом, чтобы получить необходимое исключение не *ad hoc*. Я не знаю, как это сделать» [7, р. 556–557]. Мы попытаемся устранить эту проблему.

Прежде всего отметим, что, на наш взгляд, в конечном итоге подход Льюиса, как и многие другие подходы, в которых принимаются основные положения стандартной эпистемологии, не решает проблему Гетье, а фактически переформулирует ее таким образом, что становится ясно, что проблема не имеет решения и должна быть устранена путем устранения ее ложных предпосылок, переформулирования основных эпистемических понятий и изменения направления объяснения в эпистемологии. Несмотря на то что, как известно, предложенное Льюисом определение знания оказалось проблематичным, оно, на наш взгляд, указывает на существенные структурные элементы знания и, как мы полагаем, может быть преобразовано в определение, совместимое как с подходом сначала-знания, так и с витгенштейновской петлевой эпистемологией.

С этой целью мы предлагаем интерпретировать льюисовское условие подобия как витгенштейновское условие семейного сходства. Семейное сходство, в свою очередь, мы понимаем как наличие общего (в общем случае имплицитного) правила в смысле философии позднего Витгенштейна, т.е. правила, управляющего языковыми играми. Такое правило мы называем витгенштейновским правилом (далее – *в-правило*). Роль такого правила могут, в частности, выполнять витгенштейновские петлевые предложения (ПП)⁶. Витгенштейновскую эпистемологию, на наш взгляд, можно сочетать с ЭСЗ. Различие между знанием и незнанием первично. Знание невыводимо исходя из очевидности или обоснования, которые являются вторичными понятиями, объясняемыми в терминах знания. На льюисовское определение знания в терминах релевантных возмож-

⁶ Роль этого понятия у Льюиса выполняет понятие прагматических пресуппозиций Сталнакера, на которого он ссылается.

ностей мы посмотрим с точки зрения экспликации концепта знания, предполагающей его первичность.

Витгенштейновская модификация подхода Льюиса

Вернемся к нашему примеру. С точки зрения Льюиса, высказывание «Сью знает, что либо Ногот, либо Хэвит владеет “фордом”» ложно, так как очевидность в распоряжении Сью не позволяет исключить релевантную возможность, что Ногот арендовал автомобиль, а у Хэвита нет автомобиля, в которой высказывание «Ногот или Хэвит владеет “фордом”» ложно. Эта возможность релевантна, потому что в рассматриваемом контексте она подобна актуальной ситуации. Действительно, она в точности совпадает с актуальной ситуацией Ногота и достаточно близка к актуальной ситуации Хэвита: хотя в актуальной ситуации Хэвит владеет «фордом», в рассматриваемом контексте имеется достаточное сходство ее с ситуацией, в которой он не владеет автомобилем, поскольку владение автомобилем сильно коррелирует, как пишет Льюис, с вождением автомобиля, а Хэвит никогда не пользуется автомобилем.

На наш взгляд, критерий подобия Льюиса остается интуитивным. Можно всегда возразить: именно потому, что мы уже знаем, что у Сью нет знания, мы трактуем только что описанную возможную ситуацию, в которой высказывание «Ногот или Хэвит владеет “фордом”» ложно, как релевантную, т.е. подобную актуальной. Попытаемся подойти к вопросу о релевантности/подобии более строго.

Рассмотрим следующие предложения, выражающие опыт и память Сью, которые принимаются в качестве очевидности: «Сью часто видит, как Ногот управляет “фордом”» (отсюда следует, истинность предложения «Ногот часто управляет “фордом”»), «Хэвит пользуется общественным транспортом», «Сью никогда не видела, чтобы Хэвит управлял автомобилем». (Можно даже предположить, что Сью знает, что Хэвит не умеет управлять автомобилем. С точки зрения логической это не исключает, что у него есть автомобиль. Тогда истинным будет предложение «Хэвит не управляет автомобилем».) На самом деле эти предложения выражают знание или очевидность как знание (в соответствии с ЭСЗ Уильямсона). В контексте атрибутора, оценивающего истинность предложения «Сью знает, что Ногот или Хэвит владеет “фордом”», с точки зрения эпистемологии Витгенштейна эти предложения могут также рассматри-

ваться как петлевые предложения, имеющие логическую достоверность, или во всяком случае как витгенштейновские правила, если последние трактовать как нечто более конкретное, чем петлевые предложения – наиболее общие правила, относящиеся к «грамматике формы жизни». Как уже было сказано, в-правила управляют языковыми играми, которые суть их употребления. Они эксплицитны или имплицитны, так сказать, в рамках более или менее локальной/глобальной «формы жизни», в «контексте». Лишь в рамках «грамматически»/логически структурированной «формы жизни» (которая есть совокупность употреблений в-правила), контекста, языковой игры имеет смысл ставить вопрос об истине и знании.

Правила «Ногот часто управляет “фордом”», «Хэвит пользуется общественным транспортом» и, быть может, «Хэвит не умеет управлять автомобилем» автоматически применимы к актуальной ситуации, так как они извлекаются из нее. Они также применимы к ситуации, в которой Ногот арендовал «форд», а у Хэвита нет автомобиля. Именно в таком смысле эти две возможности (ситуации) подобны друг другу.

В-правила, и в частности ПП, укоренены в контексте по определению, а не навязываются данной ситуации извне. И без ПП нет, строго говоря, никакого контекста, так как о контексте можно говорить тогда и только тогда, когда можно делать различия, те. тогда и только тогда, когда есть нормативное (концептуальное) измерение. Другими словами, контекст – не внешнее условие. В рамках своего контекстуального реализма Ж. Бенуа говорит о понятии контекста в тесной связи с нормативностью и понятием реальности: «...Контекст – это не столько внешнее ограничение смысла (как если бы реальность, так сказать, ударяла по смыслу извне), сколько проявление того, что смысл *эффективно укоренен* в реальности, а также то, что способствует конституированию самого смысла. Если смыслу не нужно “вступать в контакт” с реальностью, то это потому, что он уже активен как подлинное нормативное “движение” в пространстве реальности» [3, p. xii–xiii].

Как уже было сказано выше, наша цель – обосновать предположение, что льюисовское понятие подобия лучше всего интерпретировать как витгенштейновское семейное сходство, т.е. сходство между (реальными) употреблениями одного и того же в-правила (или ПП). Более того, все другие правила релевантности могут быть выведены из так понятого критерия подобия. Семейное сходство –

это тот общий принцип, который также позволяет исключить ситуации радикального скептицизма как ситуации, которые на самом деле не имеют сходства с релевантными ситуациями, и в частности с актуальной ситуацией, поскольку в-правила, управляющие последними, неприменимы к первым. В рамках атрибуторного контекстуализма речь идет о том, что скептик принимает очень высокие стандарты. В скептическом контексте атрибутора субъект не знает, что он не мозг в бочке. С точки зрения обыденных стандартов для знания ситуация радикального скептицизма исключается из рассмотрения. В обыденном контексте атрибутора субъект знает, что он не мозг в бочке.

Итак, согласно предлагаемой точке зрения, контекст атрибутора – локальная «форма жизни», имеющая свою грамматику, т.е. в-правила и ПП. Релевантные возможности определяются реальными употреблениями этих в-правил/ПП, т.е. семейным сходством между ними. В частности, некоторые петлевые эпистемологи принимают в качестве ПП следующие предложения: «Я не мозг в бочке», «Я не сплю», «Внешний мир существует», «То, что Ногот управляет “фордом”, не оптическая иллюзия». (Ситуация на самом деле сложнее. Но здесь у нас нет возможности рассматривать проблему радикального скептицизма.) Таким образом, ситуация радикального скептицизма, в которой Сью – мозг в бочке, автоматически исключается как не имеющая подобия с актуальной⁷. Нерелевантные возможности (миры) – это возможности (миры), которые управляются другими в-правилами (другой системой ПП)⁸.

Если за очевидность принимается видимость, то, например, исключение сценария радикального скептицизма оказывается плохо мотивированным. Этот сценарий, так же как и соответствующий обыденный сценарий, совместим с так понятой очевидностью. В обыденном контексте он, однако, исключается. Контекстуализм

⁷ Ситуация радикального скептицизма совместима с очевидностью, понятой как видимость, а не как знание. В контексте, в котором «внешний мир существует» есть ПП, она исключается как нерелевантная. В соответствии со своими ПП субъект не может рационально верить, что он мозг в бочке. (Отметим, что «внешний мир» – не объект. Строго говоря, нет смысла говорить о его (не)существовании. И то, что предложение «Внешний мир существует» принимается за ПП, может об этом свидетельствовать. Но с точки зрения ЭСЗ Уильямсона следует просто сказать: мы знаем, что вещи существуют.)

⁸ Еще раз отметим, что для Льюиса в разных контекстах атрибутор имеет дело с разными предположениями – «пресуппозициями». См. примечание 6.

отличает обыденное знание от знания в соответствии с радикально высокими стандартами, которое в обыденном сценарии отсутствует. Таким образом, при фиксированной очевидности контекст, стандарты, смысл «знает» и истинностное значение «Субъект знает, что p » варьируются. Очевидность и контекст (релевантные миры) суть независимые переменные.

Семантический атрибуторный контекстуализм предполагает, что релевантные миры могут варьироваться в зависимости от контекста атрибутора при одной и той же очевидности, поскольку варьируются стандарты для знания. Как нам представляется, наше предложение рассматривать подобие между релевантными мирами как семейное подобие лучше вписывается в представления, согласно которым очевидность эквивалентна знанию. В этом случае очевидность и контекст – не независимые переменные, так как знание, а следовательно, и очевидность контекстуальны. Если в одном контексте атрибутора субъект знает, что p , в другом – нет, то его очевидность будет разная, так как в первом случае она будет включать p , тогда как во втором случае не будет. Это означает, что можно просто обойтись понятием очевидности (в контексте). Сказанное предполагает эквивалентность очевидности и знания.

Определение знания, таким образом, может быть дано лишь в терминах очевидности (отметим, что для Уильямсона в случае знания условная на очевидности вероятность равна единице, т.е. провал между очевидностью и истинным мнением или фактом закрыт: истинное мнение является знанием, само относится к очевидности [11]). В этом случае сценарий радикального скептицизма исключается имеющейся очевидностью: если субъект знает, что p , то у него есть очевидность, что p , и, следовательно, очевидность, что он не мозг в бочке. Мозг в бочке не знает, что p , и, следовательно, у него нет очевидности, что p , хотя у него есть видимость, что p .

Если к очевидности относится само предложение p (как знание), то во всех релевантных ситуациях p автоматически истинно, так как рассматриваются только такие ситуации, которые совместимы с очевидностью⁹. Наоборот, если p не относится к очевидности, т.е. p – не знание, автоматически возможна релевантная ситуация,

⁹ В более современных терминах знание – это с необходимостью безопасное (safe) истинное убеждение. Условие безопасности означает, что при том же самом методе формирования убеждения, оно не ложно в «ближайших возможных мирах». При этом само истинное мнение в ближайших возможных мирах может варьироваться.

в которой p ложно. Здесь релевантная ситуация – это ситуация, совместимая с очевидностью. (Понятие контекста не независимо.) Релевантность здесь можно трактовать как подобие между возможными употреблениями *в-правила* или ПП, которые лежат в основании так понятой очевидности как знания. Наоборот, если мы трактуем правило подобия Льюиса как семейное сходство – сходство между укорененными в реальности языковыми играми, то очевидность следует рассматривать не как видимость, а как знание. Это означает, что знание первично. Наличие знания нельзя вывести из применения других концептов без обращения к концепту знания. В свете формулы Уильямсона, которая состоит в том, что очевидность эквивалентна знанию, определение Льюиса предстает как форма выражения первичности знания, как экспликация некоторых необходимых для знания условий.

Итак, роль принципа подобия хорошо объясняется эквивалентностью очевидности и знания. Если субъект не знает, что p , его очевидность не включает в себя p (употребление соответствующих ПП совместимо с ложностью p), возможность не- p релевантна, т.е. подобна актуальной. Если же в контексте субъект знает, что p , то само p будет относиться к очевидности или, быть может, даже быть ПП (и тогда во всех возможных мирах, совместимых с очевидностью, p автоматически истинно) и возможность не- p нерелевантна, т.е. не подобна актуальной. Только в том случае, если p относится к очевидности, если p – знание или ПП, ложность p несовместима с очевидностью. Такая точка зрения на подход Льюиса сводит его к ЭСЗ.

Правила Льюиса как грамматические тавтологии

Льюис вводит семь правил (критериев) релевантности: актуальность, убеждение, сходство, надежность, метод, консерватизм, внимание [7; 9, р. 202–203]. Это правила *ad hoc*, которые не направляются общим принципом. Мы утверждаем, что таким общим принципом является принцип семейного сходства, т.е. наличие общего *в-правила* (или общих ПП), а все правила Льюиса – его следствия (или аспекты). Это можно назвать «грамматической интерпретацией» правил Льюиса как аспектов одного и того же понятия *в-правила*.

Выше мы уже интерпретировали льюисовское правило подобия как правило семейного сходства, т.е. как подобие между упот-

реблениями одного и того же в-правила (или одних и тех же ПП), в качестве которого выбирается правило очевидности как знания или совокупность ПП, лежащих в основании очевидности.

Наличие парадигматических (устоявшихся) применений в-правила, между которыми имеется семейное сходство, – неотъемлемая характеристика в-правила (эту характеристику можно взять за его определение). Парадигматические применения в-правила – результат применения надежного метода. К соответствующим ПП могут, например, относиться предложения о безошибочном функционировании перцепции, памяти и других процессов, как правило, приводящих к формированию истинных убеждений. Парадигматические (устоявшиеся) применения правила можно рассматривать и как образцы для его применения. С ними также ассоциируются общепринятые конвенции. Общее знание можно трактовать как (логическое) знание грамматики формы жизни, т.е. эксплицитное или имплицитное знание в-правил (ПП). То, что называют абдукцией, – экспликация имплицитного в-правила, которое наилучшим образом объясняет свои языковые игры – «явления».

Следовательно, к релевантным возможным мирам как упореблениям очевидности соответствующих ПП (или соответствующего в-правила) автоматически не относятся возможности нарушения общих конвенций, ошибок в надежных процессах, образцах или абдукции. Любые такие нарушения были бы нарушением в-правила (ПП). Мы приходим к льюисовским правилам консерватизма (согласно которому возможности, которые игнорируются конвенционально, нерелевантны), надежности (согласно которому нерелевантными считаются возможности ошибки в надежном процессе, к которым, в частности, относятся перцепция и память) и метода (согласно которому ошибки в образцах и абдукции нерелевантны).

Отметим, что для Льюиса указанные правила отменяемы (*de-feasible*). Для нас они отменяемы, потому что может оказаться, что на самом деле их нарушение не противоречит действительному в-правилу (ПП), а не тому, которое предполагалось. То, что является ПП в одном контексте, может перестать им быть в другом контексте. Для Витгенштейна в зависимости от контекста статус в-правил и ПП может меняться.

Таким образом, возможные миры, в которых нарушаются льюисовские правила (критерии) могут оказаться релевантными, тогда как критерия, в каком случае это происходит, нет и быть не

может. Льюис просто говорит о том, что меняются presuppositions. Для нас это означает изменение правил игры, переход к другой системе ПП (другому в-правилу). В результате такого изменения исходное знание может быть утеряно. Если же такие возможные миры трактуются как нерелевантные, то это просто означает, что они выходят за пределы применимости действующего в-правила, которое и гарантирует наличие исходного знания.

Но как определить, меняется в-правило или нет? Это можно сделать, только отталкиваясь от знания в контексте. Знание первично: либо оно есть, либо его нет в том или ином случае. И именно этот факт определяет, что считать очевидностью, какие предложения являются ПП и какие возможности следует считать релевантными, а какие – нет. Отменяемость льюисовских правил косвенно указывает на выбор неправильного порядка в объяснении эпистемических явлений. Правильный порядок объяснения предполагает начинать со знания.

Посмотрим на оставшиеся льюисовские правила. Как уже было сказано выше, актуальность – самоочевидное условие. В-правило (или ПП) применяется к ней автоматически, так как извлекается из нее¹⁰. Нас интересуют актуальная ситуация и семейное сходство с актуальной ситуацией какова она есть на самом деле, а не как она представляется субъекту (сам субъект может не знать, в какой ситуации он находится). Согласно льюисовскому правилу убеждения, всякая возможность, в которую субъект верит или должен верить, релевантна. На самом деле он должен верить в те и только те возможности, которые совместимы с очевидностью и в данном контексте релевантны, т.е. являются применениями контекстуального в-правила и, следовательно, обосновываемы этим правилом, рациональны. С нашей точки зрения, речь идет о возможностях, в которые субъект верит или может верить рационально и, следовательно, должен их принимать во внимание. Это возможные употребления очевидности как в-правила (или соответствующих ПП) в данном контексте – реальные (релевантные) возможности.

Нерелевантные возможности в контексте атрибутора исключаются автоматически, по умолчанию. На них просто не обращают

¹⁰ Между прочим, Льюис пишет, что в качестве очевидности он рассматривает полный перцептивный опыт субъекта (не видимость, не доступное самому субъекту содержание концептуализированного опыта) в актуальной ситуации. Мы интерпретируем это как знание, которым располагает субъект, не обязательно зная, что он знает.

внимания, поскольку они не релевантны. Но если мы хотим исключить их осознанно, на них надо обратить внимание. Согласно правилу внимания Льюиса, в этом случае они становятся релевантными. Это делает знание неуловимым. Оно есть, и вдруг его уже нет (если обратим внимание на совместимую с очевидностью, понятой как видимость, нерелевантную возможность, которая сразу же превращается в релевантную и в которой убеждение субъекта ложно). Скептицизм в рамках подхода Льюиса получает некоторое оправдание. Этой проблемы, на наш взгляд, можно избежать, если правило внимания понимать не как индивидуальное, а как публичное. Публично обратить внимание на возможность – значит обратить внимание на нее в соответствии с публичным правилом, определяющим, на какие возможности следует обращать внимание, т.е. в соответствии с в-правилом. В противном случае каждый будет обращать внимание на то, что он считает возможностью. То есть мы говорим лишь о возможностях, на которые следует обратить внимание (это те же самые возможности, в которые следует верить). Внимание следует обратить на реальные употребления в-правила (ПП), т.е. на те возможности, которые имеют семейное сходство с актуальной возможностью. Для Льюиса правило внимания тоже отменяемо. Исходя из сказанного выше уже ясно почему.

Итак, по сути, все правила (критерии) Льюиса сводятся к правилу семейного сходства, что согласуется с предположением самого Льюиса, что не все они независимы, а сводятся друг к другу в самых разных вариантах. Это значит, что правила Льюиса можно трактовать как грамматические тавтологии. Понимание общего принципа как наличия общего в-правила (ПП) означает, что правильный подход к знанию предполагает начинать с понятия знания как первичного понятия, в терминах которого объясняются все другие эпистемические понятия. В рамках эпистемологии Витгенштейна концепт знания первичен.

Ниже мы сравниваем наш подход с недавно предложенной точкой зрения Дж. Миона.

Петлевой эпистемический контекстуализм Миона

Мион предложил общий принцип для правил Льюиса, который близок к предложенному нами (схожий принцип мы также использовали ранее [1]). Принцип Миона гласит: «Петли функционируют

как правила, определяющие, какие возможности считаются релевантными альтернативами» [8, р. 7]. При этом Мион подчеркивает, что петли неотделимы от контекста общения. Речь идет о контексте атрибутора. К понятию семейного сходства Мион не прибегает.

Напомним, что мы рассматриваем релевантные возможности как реальные возможности употребления петлевых предложений в качестве в-правил. Это языковые игры, между которыми имеется семейное сходство. Отметим, что существуют различные интерпретации ПП, рассматривать которые здесь мы не имеем возможности. Наша интерпретация ПП как наиболее общих в-правил наиболее близка к интерпретации ПП как правил, предложенной А. Колива. Мион тоже трактует петли как правила. Для нас сомневаться в ПП бессмысленно. Для Витгенштейна подлинное сомнение предполагает практические следствия и опирается на ПП, в которых не сомневаются. «Сомнение, которое бы ставило под сомнение все, не было бы сомнением» (Л. Витгенштейн. «О достоверности», § 450). В том случае, когда сомневаться в ПП не бессмысленно, они перестают быть ПП. Либо они превращаются в истинные парадигматические предложения (знание), либо в контексте они могут быть истинными или ложными эмпирическими предложениями.

Обратимся к двум примерам, которые анализирует и Мион (мы их модифицируем и анализируем несколько по-другому).

Предположим, что историк Анна находит архивные документы, которые косвенно указывают на то, что в Аустерлицком сражении Наполеон мог быть ранен. Означает ли это, что Анна теряет свое исходное знание, что Наполеон в сражении не был ранен, поскольку очевидность, которая имеется в ее распоряжении, быть может, не позволяет исключить ситуацию, в которой Наполеон был ранен? (Быть может, ранее она принимала эту возможность за нерелевантную.) Все зависит от того, является ли эта ситуация релевантной. Можно рассуждать примерно так. Предположим, что в данном контексте атрибутора «Наполеон выиграл Аустерлицкое сражение» – ПП, имеющее логическую достоверность. Тогда возможный сценарий, в котором в сражении Наполеон был ранен, не является релевантным, так как этот сценарий имеет сходство с возможным сценарием, в котором Наполеон проиграл сражение. Последний, однако, исключается. Следовательно, имеющееся ПП исключает сценарий, в котором Наполеон был ранен, как нерелевантный (не имеющий сходства с актуальным), и в рассматриваем кон-

тексте с точки зрения атрибутора Анна продолжает знать, что Наполеон в аустерлицком сражении не был ранен.

Для Миона контекст атрибутора определяет выбор ПП, а выбор ПП определяет возможные релевантные ситуации. Мы говорим об употреблении ПП как в-правил и семейном сходстве между этими употреблениями. Если бы Анна перестала знать, что Наполеон не был ранен (например, если бы она действительно обнаружила убедительное – но ложное – свидетельство в пользу того, что Наполеон был ранен), атрибутору, быть может, просто пришлось бы отказаться от ПП «Наполеон выиграл Аустерлицкое сражение», т.е. признать, что ситуация, в которой Наполеон ранен, и ситуация, в которой он проиграл сражение, релевантны. То есть в своем контексте атрибутор в качестве ПП принял бы другие предложения – не потому, что это ему продиктовал бы контекст, а потому, что знание о том, что Наполеон не был ранен, было бы утеряно. Другими словами, первична, на наш взгляд, все-таки констатация наличия или отсутствия знания, что Наполеон был или не был ранен (проиграл сражение или нет), а не наличие или отсутствие тех или иных ПП. Знание или незнание не выводятся.

В другом примере предполагается, что «Телма нас везет в аэропорт, и мы опаздываем на рейс. Действительно ли Телма знает, что в баке достаточно бензина, чтобы его хватило до аэропорта? Можно ли ей доверять? В этой ситуации возможность, что датчик уровня топлива неисправен, даже если вслух беспокойство не выражается, релевантна. Соответственно, утверждение, что она знает, что в баке достаточно бензина, может оказаться ложным. С другой стороны, в более спокойном сценарии эта возможность не будет релевантной. Наше утверждение, что Телма знает, что в баке достаточно бензина, будет истинным» [8, р. 11]. Высказывания «Она знает, что в баке достаточно бензина», «Она знает, что датчик бензина исправен» истинны или ложны в зависимости от практического контекста в той же самой эпистемической ситуации (очевидности). При высоких практических ставках они ложны, а при низких (мы никуда не опаздываем) – истинны. В этом последнем случае, согласно Миону, «Датчик работает исправно» – ПП, определяющее релевантные возможности. Таким образом, релевантные возможности определяются исходя из употреблений ПП, которые идентифицируются в разговорном контексте. При одной и той же очевидности в зависимости от контекста, могут быть разные ПП.

Мы смотрим на эти примеры с точки зрения эквивалентности очевидности и знания. Поскольку знание зависит от контекста атрибутора, очевидность зависит от контекста атрибутора. В контексте, в котором ставки невысоки, очевидность более обширна, так как к очевидности относится знание, что в баке достаточно бензина. Нет необходимости вводить независимое от очевидности (но зависимое от контекста) понятие релевантных ситуаций, совместимых с очевидностью.

На наш взгляд, в рамках подхода Миона возникает вопрос о том, каким образом выявляются ПП. Для Миона в контексте устанавливаются ПП, которые определяют релевантные ситуации. Но можно сказать и наоборот: именно набор релевантных ситуаций позволяет эксплицировать ПП¹¹. Мион предлагает комбинировать ПП и контекст. На самом деле отдельно их рассматривать невозможно. Выбрать ПП – это уже выбрать релевантные возможности, так как ПП и вообще в-правила не могут быть отделены от устоявшихся случаев своих употреблений. Мы не можем ни сначала установить ПП, а затем, исходя из них, установить релевантные возможности, ни наоборот. В этом смысле проблему выбора релевантных ситуаций ПП не решают. Они ее переформулируют в других, витгенштейновских, терминах¹². На самом деле просто в одном случае мы знаем, что есть знание, а в другом – нет. Сначала, как говорит Уильямсон, знание, различие между знанием и незнанием.

Таким образом, то или иное знание или незнание реконструируется как наличие или отсутствие тех или иных ПП, т.е. тех или иных релевантных и нерелевантных сценариев или той или иной очевидности. А не наоборот: мы каким-то образом, исходя из идентификации ПП и, соответственно, из определения релевантных и нерелевантных сценариев при данной очевидности, устанавливаем, имеет ли место знание или нет. Вместо трехкомпонентной конструкции знания – очевидность, контекст, релевантные ситуации мы предлагаем однокомпонентную – очевидность. Субъект знает, что *p*, если и только если очевидность, которой он располагает (в контек-

¹¹ Льюис указывает на замкнутый круг: прагматические пресуппозиции определяют релевантные возможности, которые, в свою очередь, определяют пресуппозиции. Говоря в наших терминах, в-правило неотделимо от своих применений.

¹² Отметим, что, как считает Колива, сам Витгенштейн – не атрибуторный контекстуалист, а инвариантист [4]. Для него знание, которое приписывается субъекту, не зависит от контекста атрибутора.

сте) исключает не-р. На самом деле такая формулировка очень близка к формулировке знания, предложенной Льюисом.

Возражения против подхода Льюиса

Согласно Д. Беллери и А. Колива, эпистемический контекстуализм Льюиса не принимает во внимание специфичность случаев Гетье [2]. Льюис их объясняет так же, как он объясняет отсутствие знания в более привычных случаях, например в примере с лотереей. Но случаи Гетье, на первый взгляд, радикально отличаются от них. В самом деле, в случае лотереи почти во всех возможных мирах, за исключением одного, а также в актуальном мире мнение истинно, тогда как в некоторых случаях Гетье, наоборот, во всех возможных мирах, за исключением одного – актуального, мнение ложно. Можно также предположить, что в некоторых практических контекстах в случае лотереи субъект знает, что он не выберет выигрышный билет (Льюис [7] и Беллери с Колива [2] приводят примеры таких практических контекстов). Но, например, в случае Гетье с остановившимися часами, которые показывают правильное время дважды в сутки, контекста, в котором можно сказать, что субъект знает время, когда он смотрит на часы именно в тот момент, когда они показывают правильное время, не существует или во всяком случае его нелегко вообразить. Это указывает на известную асимметрию между случаями Гетье и более обыденными случаями отсутствия знания.

Таким образом, применение эпистемического контекстуализма к случаям Гетье оказывается проблематичным. Контекстуальное определение знания вроде бы не учитывает особенности случаев Гетье, а объясняет отсутствие знания единообразно. То есть в нем не принимается во внимание эпистемическая удача, присутствующая в случаях Гетье.

В то же время в известном примере Гетье другого типа – примере с ложными фасадами, как показал Дж. Греко, приписывание знания может зависеть от контекста [6, р. 80]. Напомним, что согласно стандартной формулировке этого примера, субъект, не зная об этом, находится в районе фальшивых (фасадов) амбаров, но по чистой случайности смотрит на один-единственный в этом районе настоящий амбар и формирует истинное обоснованное мнение, что перед ним амбар. При аналогичном методе формирования его мнения, оно с легкостью могло бы оказаться ложным (на самом деле

оно ложно во всех ближайших возможных мирах). Поскольку мнение субъекта оказывается истинным лишь благодаря эпистемической удаче, он не знает, что перед ним амбар¹³.

Некоторые эпистемологи также утверждают, что эпистемическая удача имеет место и в случае лотереи, поскольку возможный мир, в котором субъект выбирает выигрышный билет, ни в вероятностном, ни в модальном смысле не более удален, чем возможные миры, в которых он выбирает невыигрышные билеты. Субъект мог бы выбрать выигрышный билет с той же вероятностью, с которой он выбирает любой невыигрышный билет, и мир, в котором он выбирает выигрышный билет, подобен миру, в котором он выбирает невыигрышный билет. В этом смысле у субъекта есть истинное обоснованное убеждение, что его билет невыигрышный, и истинность его убеждения обусловлена эпистемической удачей. Таким образом, имеется сходство между этим случаем и случаями Гетье.

Можно ли говорить о континууме между более привычными случаями отсутствия знания и случаями Гетье? Вообразим, специфическую лотерею, в которой все билеты, за исключением одного, выигрышные. Субъект об этом не знает и по чистой случайности выбирает один-единственный невыигрышный билет (этот пример имеет сходство с примером с фальшивыми амбарами). Его убеждение, что он проиграл, будет истинным, но во всех возможных мирах, за исключением актуального, ложным. (Можно также сказать, что его убеждение будет субъективно обоснованным, поскольку оно будет основано на правдоподобной, но ложной посылке, что лотерея нормальная.) Существует непрерывный переход между нормальной лотереей и нашей воображаемой лотереей, которая имеет сходство со случаями типа случаев Гетье. Это указывает на то, что, быть может, различие между случаями Гетье и более обыденными случаями отсутствия знания заключается лишь в степени. С точки зрения ЭСЗ любое незнание, будь то случаи Гетье или более обыденные случаи, – это просто отклонения от знания.

Беллери и Колива считают, что контекстуальное определение знания Льюиса также предполагает одинаковое трактование случаев Гетье, в которых причинная связь между очевидностью и истинным убеждением нарушена, как это имеет место в примерах с Ногом

¹³ Некоторые авторы отрицают, что случай с ложными фасадами – случай типа Гетье. Другие даже утверждают, что в этом случае субъект знает, что перед ним амбар.

и Хэвитом и остановившимися часами, и случаев типа примера с фальшивыми фасадами, в которых эта связь якобы не нарушена, поскольку перед субъектом действительно находится подлинный амбар. (Вопрос в том, что эти авторы принимают за «очевидность». По всей видимости – материальный объект. Для нас, как и для Уильямсона, очевидность всегда пропозициональна, это знание.) Для объяснения отсутствия знания в случаях Гетье эпистемолог добродетелей Греко ввел условие «по причине» (because). В первых двух случаях истинное мнение формируется не по причине применения субъектом своих перцептивных способностей, тогда как в случае с фасадами, как можно предполагать, именно по этой причине: между подлинным фасадом и субъектом имеется причинный визуальный контакт. (Эпистемолог добродетелей Э. Соса даже считает, что субъект приобретает «животное», но не «полное» знание.)

На самом деле мы не думаем, что в примере с фасадами можно сказать, что истинное убеждение субъекта приобретается по причине применения его перцептивной способности, устанавливающей причинный контакт между ним и «очевидностью». Непосредственный перцептивный опыт неспособен привести к формированию мнения, так как он не имеет никакого содержания. Он неспособен установить причинную связь между очевидностью и истинным мнением, так как сам по себе он не очевидность, а просто часть реальности, в которой при помощи концептов может быть истинным или ложным образом идентифицировано то или иное данное, выполняющее роль очевидности. Перцептивная способность, приводящая к формированию убеждения, – способность концептуальная. Другими словами, связь с истинным мнением должна быть нормативно-причинной. Эту связь устанавливает не непосредственный перцептивный опыт субъекта, а его концептуализированный (истинным или ложным образом) перцептивный опыт, в данном случае – ложным образом концептуализированный опыт (видимость), что перед субъектом находится амбар, а следовательно, не подлинная очевидность, что перед ним амбар (перцептивный опыт, истинным образом концептуально оформленный, давал бы знание, что перед ним амбар, но знание отсутствует).

Почему следует считать, что опыт оказывается ложным образом концептуализированным и, следовательно, не очевидностью? То есть почему амбар идентифицируется в рамках этого опыта как амбар некорректным образом? (Как только что было сказано, если

бы он идентифицировался корректным образом, это было бы знание.) Идентификация амбара и, соответственно, концептуализация опыта – применение концепта «амбар», который имеет условия своей применимости. Эти условия в районе фальшивых амбаров не удовлетворяются. Применение концепта с легкостью могло бы оказаться ложным. Почти все случаи применения концепта «амбар» в этих условиях являются ложными. Именно неприменимость концепта «амбар», его неукорененность в опыте, реальности делают заключение о причинной связи между истинным мнением и очевидностью неверным. У субъекта в районе фальшивых амбаров есть лишь очевидность относительно видимости амбара. С другой стороны, поскольку перед субъектом на самом деле находится амбар, можно вообразить контекст (что и делает Греко), в котором между очевидностью и истинным мнением действительно устанавливается причинная связь и субъект приобретает знание. Такой контекст невозможно вообразить в случае, если перед субъектом находится фальшивый амбар. Рассмотрение примера с амбарами, как и других примеров, показывает, на наш взгляд, что концепт знания первичен: знание либо есть, либо его нет.

Посмотрим, как случаи Гетье выглядят в терминах понятия петлевого предложения. В примере с остановившимися часами у субъекта есть очевидность, что стрелка часов (а не часы как надежно функционирующий инструмент) показывает некоторое время. Эта очевидность – не субъективные данные, не видимость, а достоверное знание, которое может быть выражено в виде соответствующего ПП. Очевидность относится не к измеряемому времени, а к часам как материальному объекту. (Надежность часов к очевидности не относится. Соответствующее предложение не является ПП. Это тот случай, когда льюисовское правило надежности отменяется.) Если бы часы шли правильно, на основе их показаний можно было бы сформировать знание о времени. Вероятно, можно было бы даже принять предложение о времени, которое показывают эти часы, за ПП, имеющее логическую достоверность. Но в случае Гетье знанием является лишь убеждение субъекта о показаниях часов, а не о времени. Поэтому с очевидностью совместим сценарий, в котором время на самом деле несколько отличается. Другими словами, возможны употребления ПП, совместимые с показаниями надежно функционирующих часов, другими, чем те, которые видит субъект. Между этими употреблениями имеется семейное сходство,

т.е. они являются релевантными. Субъект не знает, что часы показывают правильное время, так как его мнение о времени в подобных сценариях оказывается ложным.

Аналогичным образом в примере с фальшивыми амбарами ПП, выражающее нормальные условия визуального наблюдения, отсутствует. (Нечто подобное говорит и Льюис. Для него отсутствуют нормальные presupпозиции. Истинная presupпозиция, о которой субъект не знает, здесь в том, что субъект находится в районе фальшивых амбаров.) Как следствие, актуальный сценарий имеет семейное сходство со сценарием, в котором эти условия нарушаются и, соответственно, формируется ложное мнение. Напротив, в упомянутом выше специфическом контексте атрибутора, который воображает Греко и в котором знание имеет место, сценарии, где нарушаются нормальные условия визуального восприятия, рассматриваются как не имеющие сходства с актуальной ситуацией (нерелевантные).

Для атрибуторного контекстуализма Льюиса сходство между возможными мирами (их релевантность), совместимыми с очевидностью, зависит от контекста. Мы утверждали, что очевидность лучше трактовать как знание. ПП, лежащие в основе такой очевидности, выполняют роль в-правила для определения релевантных (подобных) сценариев. ПП (знание, очевидность) зависят от контекста. Поэтому очевидность напрямую определяет наличие или отсутствие знания. В тех и только тех случаях, когда очевидность в пользу p , включает само предложение p (о чем субъект может и не знать), т.е. знание, что p , в подобных ситуациях, p не может быть ложным. Мы возвращаемся к эпистемологии сначала-знания [11; 12].

Контекстуальное определение знания

Мион предлагает следующую процедуру, чтобы установить, знает ли субъект, что p . Сначала при помощи ПП определяется, какие альтернативы являются релевантными. Затем при помощи очевидности элиминируются все релевантные альтернативы, в которых не- p [8, р. 8–9]. Мы ставим под сомнение такой двухэтапный подход. Во-первых, согласно Льюису, если мы обращаем внимание на нерелевантные альтернативы, они становятся релевантными. Но допустим, мы не обращаем на них внимание, т.е. не начинаем с элиминации нерелевантных альтернатив, а сразу же определяем релевантные альтернативы. То есть обращая внимание только на

релевантные альтернативы, нерелевантные альтернативы мы элиминируем «безмолвно». Тогда две стадии, на которые указывает Мион, можно совместить и сразу же перейти к элиминированию альтернатив, в которых не- p . Во-вторых, ПП не являются независимыми от очевидности. Эксплицируя ПП, мы одновременно обращаемся к очевидности, в основании которой они лежат, и к оценке и элиминированию альтернатив, в которых не- p . Знание, таким образом, первично. Оно не выводится, а просто круговым образом реконструируется как закрытие провала между ПП, очевидностью и истинным убеждением, что p (фактом). Льюис тоже рассматривает свое определение знания как круговое [7, р. 554].

Как было сказано, для Льюиса к очевидности относятся опыт и память субъекта S (в актуальной ситуации). Речь идет о концептуализированном опыте, так как Льюис говорит о пропозициональном содержании опыта, а не апеллирует к «безошибочным протокольным предложениям» и языку *sense-data*. Для Льюиса вопрос о том, характеризуется ли полностью опыт E своим содержанием P , является открытым. Во всяком случае, те возможности, которые по опытному содержанию отличаются от P (а не только противоречат ему), исключаются. В частности, так же как и в случае суждений о прошлом, основанных на памяти, в случае кинестетических опыта и соответствующих спонтанных суждений не исключаются лишь те возможности, которые в точности сходны с этими суждениями. Отметим, что для Льюиса пропозициональное содержание опыта субъекта может быть ложным. Это значит, что в качестве очевидности он рассматривает не знание, а все-таки видимость. Любой концептуализированный (истинным или ложным образом) опыт считается очевидностью. На наш взгляд, очевидность, о которой говорит Льюис, лучше всего трактовать как опытное (перцептивное) знание и память как знание. В основании этой очевидности лежат ПП. Поскольку ПП относятся к контексту атрибутора, очевидность, в частности опыт субъекта S , также зависит от контекста атрибутора. Именно эта очевидность (опыт и память субъекта S) позволяет исключить (релевантные) ситуации не- p [7, р. 553]. «Данное» для Льюиса состоит в соответствии возможностей (*match between possibilities*), т.е. в их подобии. Для нас это семейное сходство. «Данным» также являются соответствующие ПП, в-правило и форма жизни. Как говорит Витгенштейн, если вы хотите иметь данное – нечто вроде фундамента, то это форма жизни.

Таким образом, определение знания, которое мы предлагаем, имеет следующий вид: субъект S (в контексте) знает, что p , если и только если (в контексте) очевидность, которой он располагает (соответствующие ПП), исключает возможности, что не- p , кроме тех возможностей, которые не имеет смысла рассматривать как употребления ПП в данном контексте. В случае атрибутивного контекстуализма речь идет о контексте атрибутора. В случае инвариантизма речь идет о контексте самого субъекта (зависимость от контекста атрибутора отсутствует). Говоря еще короче, субъект S знает, что p , если и только если ПП (очевидность) исключают возможность, что не- p . Возможности, к которым ПП неприменимы (нерелевантные возможности), даже нет нужды упоминать; они, если употребить выражение Льюиса, игнорируются «безмолвно» (silently). Кроме того, поскольку ПП определяются лишь в контексте, подразумевается, что знание, что p , – знание, что p , в контексте. Еще раз отметим, что сам Льюис пишет так: «Скажем, что мы *предполагаем* (presuppose) Q , если и только если мы игнорируем все возможности, в которых не- Q . Замкнем круг: мы *игнорируем* как раз те возможности, которые фальсифицируют наши пресуппозиции (presuppositions). *Подходящая* (proper) пресуппозиция соответствует, конечно, подходящему игнорированию. Тогда S знает, что P , *если и только если* очевидность S элиминирует каждую возможность, в которой не- P (тсс!), за исключением тех возможностей, которые вступают в конфликт с подходящими пресуппозициями» [7, р. 553–554]. Таким образом, определение Льюиса круговое. «Подходящие пресуппозиции» Льюиса соответствуют ПП в контексте.

Подход Льюиса, и в частности его правила подобия и актуальности, экстерналистский. Сам субъект может быть неспособным сказать, какие возможности подходящим образом игнорируются, какие подобны друг другу или актуальному сценарию (именно так обстоит дело с семейным сходством), какой очевидностью он располагает. Поскольку актуальность – всегда релевантная альтернатива, условие истинности автоматически подразумевается знанием, и для Льюиса нет необходимости включать истину в определение знания. Аналогичным образом в ЭСЗ знание – не истинное убеждение плюс дополнительное условие.

Заключение

Контекстуалистский подход Льюиса не решает проблему Гетье и, соответственно, проблему определения знания в виде его определения как убеждения, для которого имеется инфаллибилистская в ограниченном смысле (контекстуальная) очевидность. В нашей трактовке он показывает, что проблемы устраняются тогда и только тогда, когда концепт знания принимается в качестве первичного концепта, а очевидность эквивалентна знанию. Теория Льюиса, опирающаяся на понятие (контекстуально) релевантных возможностей, между которыми имеется подобие, если ее подходящим образом интерпретировать, может рассматриваться как одна из возможных экспликаций подхода сначала-знания. В этом смысле она небесполезна. Релевантные возможности в данном контексте определяются полным знанием-очевидностью в данном контексте или соответствующими петлевыми предложениями. Тогда и только тогда, когда S знает, что p , не существует релевантных возможных сценариев, в которых не- p , поскольку подобие между возможными сценариями (их релевантность) определяется как наличие общего в-правила, роль которого выполняет очевидность как полное знание или соответствующие этой очевидности ПП. Исходя из (не-)знания, что p , устанавливается, какие сценарии являются релевантными, а какие – нет, а не наоборот¹⁴.

Льюисовское правило подобия мы трактуем как витгенштейновское семейное сходство. В качестве фундаментального принципа для правил Льюиса, определяющих релевантные (подобные) возможности, мы предлагаем принцип общего в-правила (семейного сходства) или, эквивалентным образом, ПП. Наша трактовка эпистемического контекстуализма с точки зрения витгенштейновской петлевой эпистемологии обоснована тем, что подлинный контекст имеет нормативное/концептуальное измерение, невозможен без соответствующих ПП (и наоборот). Семейное сходство, в-правило, ПП – экстерналистские понятия, подразумевающие пер-

¹⁴ Аналогичным образом, как было отмечено Уильямсоном, в рамках так называемой эпистемологии безопасности, определяющей знание как безопасное истинное убеждение, т.е. истинное убеждение, которое при том же методе своего формирования не могло бы с легкостью быть ложным (в ближайших возможных мирах оно не ложно), условие безопасности не является независимым от знания.

вичность знания. Мы также утверждаем, что витгенштейновская трактовка подхода Льюиса совместима с подходом сначала-знания Уильямсона.

Литература

1. *Прись И.Е.* Витгенштейновский контекстуализм против эпистемического релятивизма // *Apriori*. Сер.: Гуманитарные науки. 2018. № 5. С. 1–34.
2. *Belleri D., Colliva A.* The Gettier problem and context // *The Gettier problem* / Ed. by S. Hetherington. Cambridge University Press, 2018. P. 78–95.
3. *Benoist J.* Toward a Contextual Realism. Harvard University Press, 2021.
4. *Coliva A.* “I Know”, “I know”, “I know”. Hinge epistemology, invariantism and scepticism // *Skeptical Invariantism Reconsidered* / Ed. by C. Kyriacou, K. Wallbridge. Routledge, 2021. P. 213–234.
5. *Gettier E.* Is Justified True Belief Knowledge? // *Analysis*. 1963. Vol. 23. No. 6. P. 121–123.
6. *Greco J.* Achieving Knowledge: A Virtue-Theoretic Account of Epistemic Normativity. Cambridge University Press, 2010.
7. *Lewis D.* Elusive knowledge // *Australasian Journal of Philosophy*. 1996. Vol. 74. No. 4. P. 549–567.
8. *Mion G.* Hinge contextualism // *Philosophical Investigations*. 2021. Vol. 45. No. 1. P. 40–52.
9. *Schaffer J.* Lewis on knowledge ascriptions // *A Companion to David Lewis* / Ed. by B. Loewer, J. Schaffer. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2015. P. 473–490.
10. *The Gettier Problem* / Ed. by S. Hetherington. – Cambridge University Press, 2018.
11. *Williamson T.* Knowledge and Its Limits. Oxford: Oxford University Press, 2000.
12. *Williamson T.* The Philosophy of Philosophy. Oxford: Blackwell, 2007.

References

1. *Pris, I.E.* (2018). Vitgenshteynovskiy kontekstualizm protiv epistemicheskogo relyativizma [Wittgensteinian contextualism against epistemic relativism]. *Apriori*. Ser.: Gumanitarnye nauki [Apriori. Series: Human Sciences], 5, 1–34.
2. *Belleri, D. & A. Coliva.* (2018). The Gettier problem and context. In: S. Hetherington (Ed.). *The Gettier problem*. Cambridge, Cambridge University Press, 78–95.
3. *Benoist, J.* (2021). Toward a Contextual Realism. Harvard University Press.
4. *Coliva, A.* (2021). “I Know”, “I know”, “I know”: Hinge epistemology, invariantism and scepticism. In: C. Kyriacou & K. Wallbridge (Eds.). *Skeptical Invariantism Reconsidered*. Routledge, 213–234.
5. *Gettier, E.* (1963). Is justified true belief knowledge? *Analysis*, Vol. 23, No. 6, 121–123.
6. *Greco, J.* (2010). *Achieving Knowledge: A Virtue-Theoretic Account of Epistemic Normativity*. Cambridge, Cambridge University Press.
7. *Lewis, D.* (1996). Elusive knowledge. *Australasian Journal of Philosophy*, Vol. 74, No. 4, 549–567.

8. *Mion, G.* (2021). Hinge contextualism. *Philosophical Investigations*, Vol. 45, No. 1, 40–52.
9. *Schaffer, J.* (2015). Lewis on knowledge ascriptions. In: B. Loewer & J. Schaffer (Eds.). *A Companion to David Lewis*. Malden, MA, Wiley-Blackwell, 473–490.
10. *Hetherington, S.* (Ed.). (2018). *The Gettier Problem*. Cambridge University Press.
11. *Williamson, T.* (2000). *Knowledge and Its Limits*. Oxford, Oxford University Press.
12. *Williamson, T.* (2007). *The Philosophy of Philosophy*. Oxford, Blackwell.

Информация об авторе

Пись Игорь Евгеньевич – доктор философских наук, кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник Института философии Национальной академии наук Беларуси (Минск, Беларусь)
frigpr@gmail.com

Information about the author

Pris, Igor Evgenievich – Doctor of Sciences (Philosophy), Candidate of Sciences (Physico-mathematical sciences), Leading Researcher at the Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of the Republic of Belarus (Minsk, Belarus)
frigpr@gmail.com

ORCID ID: 0000-0003-1721-6388

Дата поступления 30.01.2022